

УДК 811.161.1-112'38
ББК 81.2Рус-03

КОМПОЗИЦИЯ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОКУМЕНТОВ КАНЦЕЛЯРИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО

О.А. Горбань

В статье анализируются тексты рапортов станичных атаманов области Войска Донского конца XVIII в. с точки зрения композиции, реквизитного состава и речевых (лексических, грамматических, стилистических) особенностей. Сделан вывод об основных чертах делового стиля и характере его взаимодействия с народно-разговорным языком в региональных документах.

Ключевые слова: русский язык, история русского языка, деловой стиль, региональная деловая письменность, язык документов, рапорт, область Войска Донского.

Язык памятников деловой письменности является предметом пристального внимания исследователей начиная с конца XIX в., и это объясняется тем, что древнерусские деловые тексты, в отличие от книжных, в значительной степени ориентированы на живую разговорную речь, являясь ценным источником для истории фонетики, грамматики, лексики русского языка и его диалектов.

Названные памятники рассматриваются также с точки зрения отношения делового языка к книжно-литературному и формирования в нем тех средств, которые определили в итоге его вхождение в систему литературного языка в качестве одного из функциональных стилей. Как правило, объектом исследования при этом являются деловые памятники донационального периода, тогда как источники XVIII в. остаются малоизученными, что объясняется, по замечанию Л.Ф. Копосова, с одной стороны, приоритетом древности как критерия ценности источника и, с другой стороны, далеко не бесспорным мнением, будто после XVII в. существенных изменений в системе русского языка не происходило [3, с. 5]. Однако, как известно, именно XVIII в., точнее Петровская эпоха, является переломным этапом не только в отечественной истории, но

и в истории русского литературного языка. При этом как раз «светско-деловой язык решительно выступил в роли средней нормы литературности» [1, с. 72], поэтому его функциональные и стилевые особенности заслуживают особого внимания. XVIII в. интересен еще и тем, что с реформой государственного управления и, соответственно, делопроизводства в этот период складывались современные формы документов.

В последнее десятилетие значительно возрос интерес к памятникам деловой письменности XVIII в., особенно региональной (в частности, севернорусской, сибирской и др.). Появились новые исследования, лексикографические издания (см. об этом: [3, с. 4–5; 5, с. 5–6]), на первый план в которых выходит анализ и описание лексики, в отдельных работах затрагивается этнолингвистический аспект (например: [6]). Остается малоизученным целый пласт документов, созданных в канцеляриях такой значительной административно-территориальной единицы, как область Войска Донского, характеризующейся этническим и языковым своеобразием. Задачи, выдвигаемые перед языковедами современной лингвистикой с ее ярко выраженной интегративностью, определяют необходимость комплексного описания текстов документов: их реквизитного состава, композиционной структуры, разноуровневых речевых средств.

Объектом исследования в данной статье являются документы, относящиеся к делу

о переселении казачьих семей на Кавказ (1793 г.), а именно рапорты станичных атаманов и других лиц в Войсковое гражданское правительство Войска Донского, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области (ф. 341, оп. 1, ед. хр. 163; далее при цитировании указываются только листы дела и обороты листов)¹. По содержанию рапорты представляют собой донесения о событиях, вызванных волнениями в нескольких казачьих станицах Войска Донского в связи с вышедшим указом о переселении; к ним в ряде случаев прилагаются показания очевидцев.

Обратимся к самому названию рассматриваемых документов, позволяющему охарактеризовать их жанрово-видовую отнесенность.

Слово *рапорт* (*рапурт*) известно в русском языке с Петровских времен и встречается впервые в документах из «Архива» Куракина (Черн., т. 2, с. 99), однако в Словаре Академии Российской оно не зафиксировано. Происходит слово из франц. *rapporter* «снова приносить, доставлять», позже – «докладывать» (там же). В словарях XIX в. значение слова *рапорт* определяется как «донесение» (Сл. ЦСРЯ, т. 4, с. 41), оно отмечается наряду с глаголом *рапортовать* «доносить, докладывать начальству, словесно или письменно, более воен.» (Даль, т. 4, с. 59). Современные словари русского языка дают следующие толкования значений: «1) устный или письменный официальный доклад по предусмотренной уставом форме при обращении военнослужащих к начальству; 2) доклад, сообщение о выполнении задания или взятых на себя обязательств» (СРЯ, т. 3, с. 640). Таким образом, даже при расширении семантики слова в его смысловой структуре актуальным является компонент 'сообщение', и рапорт можно охарактеризовать как информационно-справочный документ, функционирующий в военной сфере. Этим признакам соответствуют и рассмотренные рапорты станичных атаманов и других лиц воинского звания.

Объем текстов различается от нескольких строк до нескольких листов. В структуре документов отчетливо представлены такие реквизиты, как адресат, адресант, название документа, собственно текст документа, подпись, дата.

Реквизит «адресат (учреждение или лицо)» располагается по центру или ближе к

правому полю. Учреждение обозначается именованным словосочетанием в предложно-падежной конструкции *в* + Вин. п.: *Войска Донского в войсковое гражданское правительство*² (л. 175). Лицо называется именем собственным в Дат. п. с указанием должности (военного чина), регалий, а также с этикетными формулами обращения, например: *высокородному и высокопревосходительному господину генераль-порутчику войсковому атаману и кавалеру Алексею Ивановичу Иловайскому* (л. 188).

Ниже справа указывается адресант, который выражен нарицательным существительным в Род. п., обозначающим военный чин, без называния имени: *премьерь маюра*. Под ним – название документа как заголовок: *рапортъ*.

Текст располагается обычным образом после заголовка с небольшим отступом от него, под текстом – подпись и дата.

Подпись представляет собой, как правило, собственноручно написанные имя и фамилию; иногда при этом указывается военный чин: *примерь майоръ Варлаамъ Денисовъ* (л. 195); *полковые сотникъ Титъ Поповъ харунжеи Кандратъ Денисовъ писарь Петръ Поповъ козаки Терентеи Донсков Гаврила Аколзинъ Осипъ Карташовъ Михеи Донсковъ* (л. 187 об.).

В оформлении даты отмечены следующие варианты: 1) «число + название месяца в Род. п. + год в Род. п.», 2) «*отъ* + число + название месяца в Род. п. + год в Род. п.», 3) «название месяца в Им. п. + число с существительным *день* в Род. п. + год в Род. п.». Например: 1) *19го февраля 1794 года*; 2) *о^м 23го декабря 1793 года*; 3) *генварь 10го дня 1794 года*.

Вверху или внизу документа в ряде случаев указывается дата его получения канцелярией; эта отметка также оформляется вариативно, например: *Получень генваря, 25го дня 1794 года*; *Получено въ 13^й день февраля 1794 года*. При этом может указываться регистрационный номер документа: *№ 455 полученъ февраля 25 дня 1794 года*; *№ 395 по протоколу марта 1го дня 1794 года*.

Иногда (например, если документ составлен от коллективного лица или на основе чьих-либо показаний) в конце документа имеются

заверительные отметки: *а во верность у сего сообщения прилогаемъ Пятиизбянской станицы станицною печать* (л. 190 об.); *с подлинним читаль Голубинской станицы станицною писарь Семень Поповъ* (там же); *всѣ вышеписанное объявилъ я по всѣмъ и христианской справѣдливости, и подписуюсь* (л. 178 об.).

Документы написаны скорописью второй половины XVIII в. (см.: [8, с. 479–483]) с характерными начертаниями букв, отсутствием сокращенных написаний под титлом, ограниченным количеством выносных букв. Для обозначения чисел используются арабские цифры.

К особенностям орфографии рассматриваемых документов можно отнести слитное, как правило, написание предлогов (иногда и союзов) с последующими словоформами, написание имен собственных со строчной буквы, например: *воисковое* (= в войсковое), *аотънихъ* (= а отъ нихъ), *даигосподамъ* (= да и господамъ) *бригадиру дмитрию иловаискому и подполковнику василью манкову* и др. В соответствии с требованиями графики и орфографии используются буквы ъ, і, хотя довольно непоследовательно.

Орфография документов, наряду с нормативными написаниями, в значительной степени отражает живое произношение: позиционные изменения согласных (оглушение звонких и озвончение глухих, упрощение групп согласных и т. д.: *пролесъ, дватцат, зборъ, зделать, вездень, неизвесно, щасливъ* вместо *пролѣзъ, двадцать, сборъ, сдѣлать, весь день, неизвѣстно, счастливъ*), редукцию безударных гласных, в том числе южнорусское «аканье» (*парутчика, харунжимъ, тапары, ноэбря, нарежаемого, иметь, слышель* вместо *порутчика, хорунжимъ, топоры, ноября, наряжаемого, имѣть, слышалъ*), произношение *ы* после твердых шипящих и *ц* (*съехавшысь, цымлянской*), произношение окончания род. п. муж. и ср. р. местоименного склонения (*оттово* вместо *оттого*) и др. Кроме того, встречаются написания, передающие диалектное произношение некоторых слов, например: *таперь* и *таперя* вместо литературного *теперь*; *луче* и *лутчему* вместо *лучше* и *лучшему*.

С точки зрения лексики и грамматики тексты в целом выдержаны в книжном стиле с чертами, присущими канцелярскому языку конца XVIII века.

В области лексики можно отметить активное употребление устаревших указательных местоимений *сей* и *оный*, например: *сего числа, прибытие сего начальства, намеренья оныхъ господъ* (л. 176) и др. Эти местоимения в конце XVIII в. были свойственны научным, деловым текстам, литературным произведениям высокого «штиля»; примерно к середине XIX в. они были вытеснены из книжных текстов, но еще долго сохранялись в деловых документах, являясь принадлежностью официально-делового стиля (см. подробнее: [2, с. 73–74]). Встречаются в рапортах также архаизмы: *очи* «глаза», *животъ* «жизнь».

Для языка рапортов характерно использование сложных слов книжной окраски, таких как *крово пролитие* (в тексте раздельно), *единомыслие, единоголасное, благонамеренныхъ, благополучно, главнобуиствующице, неоднократно, нѣмилостѣрдо, правоположительное* и др. (слова приводим в грамматических формах, зафиксированных в текстах). Многочисленны в текстах книжные отглагольные существительные на *-ние, -ие*, например: *выведования, испрашиваниемъ, лишениемъ, собранию, прибытие* и др.; иногда наблюдается «нагромождение» таких образований в одном предложении: *два, изъ правитѣлства о поступѣннѣи господина приміеръ маиора Варлама Денисова в началство, с понуждѣннѣемъ о донесѣннѣихъ замѣчаннѣи правитѣлству, о посиленнѣи казакѣвъ, указа* (л. 178).

Как известно, лексический состав русского языка XVIII в. значительно пополнился заимствованиями из европейских языков. По словам В.В. Виноградова, «приспособление русского языка к западноевропейским понятиям... легче всего могло развиваться и выработаться в официально-письменных, публицистических, общественно-деловых, светско-бытовых стилях литературной речи» [1, с. 71]. Тексты рапортов конца XVIII в. показывают, что многие заимствования уже прочно вошли в систему языка и образуют производные слова по русским словообразовательным моделям, например: *фалииво, рапортовать, отрапорто-*

вать. Среди иноязычных слов можно выделить наименования документов (*рапортъ*), жилых помещений (*квартира*), военных чинов (*бръгадиръ*, *секундъ маюръ*, *преміер маюръ*, *генералъ порутчикъ*), регалий (*ковалеръ*) и других терминов (*маршъ*), отвлеченных понятий (*резонъ*) и др.

Язык рапортов содержит специальную лексику из области административного управления (*воисковое правителство*, *подведомственные станицы*, *началство*), делопроизводства (наименования документов и их видов: *писменные дела*, *грамота*, *ведомость*, *подорожная*, *указъ*).

Морфологические признаки «высокого слога» литературного языка второй половины XVIII в. были описаны в грамматиках М.В. Ломоносова [4, с. 71–72, 75 и др.], А.А. Барсова [7, с. 466–475, 595 и др.] и обобщенно представлены с дополнениями В.В. Виноградовым [1, с. 119–123]. Из них отметим те, которые характерны для текстов рапортов.

Яркой морфологической чертой документов является использование причастных форм. Это действительные причастия *буиствующие*, *началствующимъ*, *невидящаго*, *находящихся*, *минувшаго*, *бывшеи* и др.; страдательные причастия *нарежаемого*, *приносимые*, *полученной*, *присланной* и др.

Что касается падежных окончаний местоименного склонения, то в рапортах частотны книжные (церковнославянские) окончания *-аго* Род. п. ед. ч. муж. и ср. р. и *-ия* (*-ья*) Род. п. ед. ч. жен. р., но имеются также многочисленные отступления от норм высокого слога, причем в одном и том же документе можно встретить варианты церковнославянские и русские формы. Ср., например, варианты: *скореишаго*, *бывшаго*, *покушающагося* и *нарочного*, *сказанного*, *нарежаемого* (л. 176) (но наименование области как устойчивая единица последовательно передается в книжном облике *войска донскаго*); *Пятиизбянския станицы* и *Пятиизбянской станицы* (л. 189–189 об.).

В Им. п. ед. ч. муж. р. преобладают исконно русские формы на *-ой* (ударные и безударные) и *-ей*, например: *полковои*, *другой*, *присланной*, *Иловаискои*, *станицнои*, *бывшеи*, *третей*, *харунжеи* и др. Церковнославянское окончание *-ый* (безударное) не час-

точно и отмечено большей частью в единицах, тяготеющих к книжному языку: *знаемый*, *неусыпный*, *необычный*, *добрыи*; последняя словоформа встретилась в цитате из Евангелия: *добрыи де пасты^р душу свою полагають за овцы* (л. 177 об.).

Книжный характер имеют многие синтаксические речевые средства. Это такие синтаксические обороты, как *подъ лишениемъ живота*, *за неполучениемъ* со значением причины, *въ единогласное того исполнение* со значением цели, *по случаю бытности моеи у следствия въ Распопинской станицы* со значением времени действия, *по возвращении*, *по приезде своемъ*, *по привозѣ мѣня* со значением следования во времени (в последнем словосочетании ощущается искусственность конструкции). Подобное употребление предложно-падежных форм *за + Тв. п.*, *в/во + Вин. п.*, *по + Предл. п.* в современном русском литературном языке сохранилось как примета официально-делового стиля.

Можно отметить использование книжного союза *дабы*, например: *и тотъ рапортъ былъ поручень ему Алексанѣдрину дабы онъ его с кемъ ни есть таино отправилъ* (л. 177 об.); глагольно-именных сочетаний, как правило синонимичных одному глаголу: *учинивъ обыскъ* (= обыскав), *учинили злодейство*. Довольно часто встречается непрямой порядок слов в предложениях: постановка определения после определяемого слова (*станицы нашеи*, *по приезде своемъ*), управляемой словоформы перед управляющим словом (*донесениями отърапортовано*, *под разными видами посыланного*), именной части сказуемого перед глаголом-связкой, а иногда и перед подлежащим (*приказано было*, *намерень я былъ*) и др.; однако в целом преобладает прямой порядок слов, свойственный русскому языку.

В ряде случаев вместо двусоставных предложений используются односоставные со сказуемым, выраженным формой среднего рода страдательного причастия. Это может свидетельствовать о тенденции делового стиля к безличности, к констатации действия без указания на его производителя. Например: *с некоторыми о замечанияхъ зделанныхъ мною донесениями отърапортовано* (л. 177 об.); *да и господамъ бригадиру Дмитрию Иловаискому и подполковнику Василью*

Манкову было о томъ доносимо (л. 177 об.); почему и что откроется правительству донесено быть имеет (л. 194), здесь причастие в составе сказуемого сочетается с книжной модальной конструкцией *имеетъ быть*, выражающей долженствование.

Одной из характерных черт языка документов является использование устойчивых формул (клише), способствующих стандартизации делового языка, хотя в рассмотренных рапортах подобных клише немного. Так, в начале текста рапорта употребляется формулировка «на указ сим рапортую», вводящая само сообщение: *на полученной мною сего числа изъ оного правительства присланной съ господиномъ старшиною Алексеем Туроверовымъ указъ, симъ рапортую* (л. 175). Показания других лиц, прилагаемые к рапорту, вводятся формулой «такого-то числа имярек объявил», а завершаются формулой «вышеписанное объявил(и) и подписал(и)/подписуюсь», которая предшествует подписи, например: *1793го года декабря 11го дня Пятиизбянской станицы бывшей станичнымъ атаманомъ поручикъ Тимофеи Мартыновъ сынъ Евсеевъ объявилъ* (л. 176); *а выше прописанное объявилъ по сущей христианской справедливости и подписалъ* (л. 176 об.); *всѣ вышеписанное объявилъ я по всѣмъ и христианской справѣдливости, и подписуюсь* (л. 178 об.).

Рассматривая языковые черты рапортов как проявление особенностей делового стиля, тяготеющего к книжно-литературному языку, надо отметить, что по своему содержанию данные документы представляют подробные сообщения о конкретных событиях определенной местности, а именно области Войска Донского. Описываемые реалии, наличие повествовательного элемента, ссылки на речи казаков обуславливают стилевое своеобразие текстов. Это проникновение региональной лексики, диалектных грамматических форм: *станция* «селение казаков, обитающих на Волге и на Дону» (Сл. ЦСРЯ, т. IV, с. 218); *станичная изба* «общий дом для зимовки и решения общественных вопросов» (БТСДК, с. 507), ср. диал. *изба* «дом, в котором собираются для проведения сходок и других сельских надобностей» (СРНГ, вып. 12, с. 86); *курник* «курятник» (это диалектное слово встречается не только в дон-

ских говорах, но и в некоторых других) (СРНГ, вып. 16, с. 136); форма инфинитива с суффиксом *-ть*, соответствующим литературному ударному *-ти* (*наблюсть* вместо *наблюсти*, *донестъ* вм. *донести*). Характерно также использование специальной лексики, отражающей военный быт и военную иерархию казачества (*атаманъ, войсковой атаманъ, станичной атаманъ, сотникъ, полковой писарь, хорунжий, казак отставной, выросток* «молодой казак лет 17–19, еще не принявший присяги» и др.), например: *приказъ полковымъ чиновникамъ атаману старикамъ и казакамъ* (л. 187); *согнаты в станицу с хуторовъ казаки отставные и выростки со всею воинскою оружиею* (л. 187 об.).

Встречаются разговорные единицы, например частица *де* при передаче чужой речи, просторечные слова и формы (*брѣхню, особливо, согнаты, волосья*), экспрессивные и эмоционально-оценочные средства (*мотать кишки* «подвергать пыткам, побоям», *дураки*), употребление которых в текстах документов является отклонением от норм делового стиля.

Таким образом, исследованный материал позволяет выявить особенности формирования отдельных видов документов и их языковых черт, отражающих взаимодействие разностилевых единиц. Рапорт в конце XVIII в. функционировал как информационно-справочный документ военной сферы, и можно говорить о преимущественно сложившемся формуляре данного документа с определенным набором реквизитов и композицией. Региональные рапорты в целом соответствуют этим требованиям. Речевая структура текстов свидетельствует о том, что деловой (или канцелярский) стиль приобрел в рассматриваемый период важнейшие признаки книжных стилей русского литературного языка. Взаимодействие же книжных элементов с элементами нелитературными (диалектными, просторечными) обусловлено содержанием документов, отражающим реалии и события региона, включением в тексты устных речей казаков. Слабая стандартизация языка рапортов может объясняться как функцией самих документов, предполагающих сообщение о различных, не типовых, ситуациях, так и уровнем развития официально-делового стиля в начальный период формирования национального русского литературного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выражаю признательность Виталию Александровичу Гусеву, работавшему в ГАРО с данными документами, за предоставленные материалы.

² При передаче текстов имена собственные приводятся с прописной буквы, предлоги и союзы отделяются от последующей словоформы. В остальных случаях сохраняется орфография и пунктуация оригиналов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В. В. Виноградов. – 3-е изд. – М. : Высшая школа, 1982. – 528 с.
2. Горбань, О. А. Взаимодействие книжных и народно-разговорных языковых единиц в «Камышинской летописи» XIX в. / О. А. Горбань // Взаимодействие русского литературного языка и территориальных диалектов : сб. ст. / отв. ред. С. П. Лопушанская. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 71–78.
3. Копосов, Л. Ф. Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Копосов Лев Феодосьевич. – М., 2000. – 41 с.
4. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений : в 6 ч. / М. В. Ломоносов. – СПб. : Императ. Акад. наук, 1804. – Ч. 6. – 449 с.
5. Майоров, А. П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А. П. Майоров. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2006. – 263 с.
6. Никитин, О. В. Русская деловая письменность как этнолингвистический источник (на ма-

териале памятников севернорусских монастырей XVIII века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Никитин Олег Викторович. – М., 2000. – 30 с.

7. Российская грамматика А. А. Барсова / подгот. текста и текстолог. коммент. М. П. Тоболовой ; под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 776 с.

8. Черепнин, Л. В. Русская палеография / Л. В. Черепнин. – М. : Изд-во полит. лит., 1956. – 616 с.

СЛОВАРИ

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества. – М. : Русские словари : Астрель : АСТ, 2003. – 608 с.

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Репр. воспроизведена изд. 1880–1882 гг. – М. : Русский язык, 1999.

Сл. ЦСРЯ – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук : в 4 т. – СПб. : Тип. Импер. Акад. наук, 1847.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ф. П. Филин. – Вып. 12. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – 368 с. ; Вып. 16. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. – 376 с.

СРЯ – Словарь русского языка / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984.

Черн. – Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1994.

THE COMPOSITION AND LINGUAL SPECIFICS
OF THE GOVERNMENT CHANGELLERY'S DOCUMENTS
OF THE DON ARMY OBLAST

O.A. Gorban

In the article the texts of the reports by stanitsa atamans of the Don Army Oblast are analyzed from the viewpoint of a composition, props set, and lingual (lexical, grammatical, stylistic) specificities. The author specifies the main features of the official style and its interaction with the folk-dialectal language in the regional documents.

Key words: *Russian language, history of the Russian language, official style, regional documentary, official language, report, Don Army Oblast.*